

В.Тень

Шёпот увядшей листвы. 2 книга

В.Тень

Шёпот увядшей листвы. 2 книга

«Автор»

2026

В.Тень

Шёпот увядшей листвы. 2 книга / В.Тень — «Автор», 2026

Академия Стихий больше не является бастионом безопасности. Из-под её фундаментов пробился Первородный Голод, и мир охватывает Красный Мор — агрессивная, мутировавшая флора, которая питается магией и страхом. Студентка-зайчиха Элиана, уже заплатившая страшную цену за баланс в прошлом, понимает главное: свет и исцеление лишь кормят заразу. Чтобы спасти близких, Элиана обращается к запретной магии увядания. Но сила развращает. Превращаясь из спасительницы в безжалостную Садовницу, она начинает «обрезать» мир, стирая границы между жизнью и смертью, пока сама не становится планетарной сущностью, поглощающей всё на своём пути. Мрачная история о том, как желание спасти мир оборачивается его порабощением, и как маленькая зайчиха из рода Лопари прошла путь от испуганной студентки до божества, которое решило переписать саму реальность.

© В.Тень, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Красный росток	5
Глава 2. Первая жертва	10
Глава 3. Тайный архив	14
Глава 4. Обрезка	18
Глава 5. Испепеляющий свет	21
Глава 6. Падение Хранителя	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

В.Тень

Шёпот увядшей листвы. 2 книга

Глава 1. Красный росток

Прошло три недели.

Три недели с тех пор, как пол библиотеки раскололся и из трещин хлынул красный свет. Три недели с тех пор, как мадам Веспер перестала улыбаться. Три недели с тех пор, как Элиана Ветвь-Ивы стояла на коленях среди обломков и держала в руках книгу, которая переписывала сама себя.

Три недели. Но иногда ей казалось, что прошла целая жизнь. А иногда — что не прошло ничего. Что она всё ещё стоит там, в темноте подземелья, и Первая Магиня спрашивает её: «Ты готова отдать свою самую дорогую память?»

И она снова говорит «да».

И снова теряет что-то, чего не может вспомнить.

Элиана сидела на подоконнике в общежитии, поджав ноги. За окном был рассвет. Серый, холодный, настоящий — точно такой же, как в то утро, когда всё закончилось. Или началось.

Она смотрела на свои руки. Обычные руки зайчихи. Тонкие пальцы, мягкая серая шерсть, маленькие мозоли от пера и лопатки. Ничего особенного. Ничего, что выдавало бы в ней человека, который спустился в сердце Первого Сада и вернулся обратно.

Я спасла их, подумала она. Я отдала память и спасла всех.

Это была правда. Она знала это так же точно, как знала, что её зовут Элиана, что она из рода Лопари, что её сестру зовут Лира.

Но было кое-что, чего она не знала.

Внутри неё была пустота. Не та Пустота, с которой они боролись, — не тёмная, не холодная, не голодная. Эта пустота была другой. Тихой. Тёплой, как выстиранная зола. Она занимала место где-то за грудиной, там, где раньше жило что-то важное.

Элиана знала, что это была память о матери. Ей говорили об этом — Лира, Кайрен, мастер Торн. Они рассказывали ей о женщине-зайчихе с карими глазами, которая пела колыбельные и плела венки из клевера. Элиана кивала и слушала, и эти слова ложились в её разум, как чужие вещи в чужой ящик.

Она не чувствовала ничего.

Ни тоски. Ни горя. Ни даже облегчения.

Просто пустота. Тихая, аккуратная, как дырка в ткани, вырезанная очень острыми ножницами.

Это нормально, думала она. Это цена. Я знала, на что иду.

Но по ночам, когда общежитие засыпало и в коридорах стихали шаги, Элиана иногда просыпалась от странного ощущения. Ей казалось, что она слышит чей-то голос. Женский, мягкий, напевающий что-то без слов. Она лежала в темноте, прислушиваясь, и сердце её сжималось от тоски такой острой, что перехватывало дыхание.

А потом она вспоминала, что не помнит.

И тоска уходила, сменяясь той самой тихой пустотой.

И это было хуже всего.

Академия менялась.

Элиана заметила это не сразу. В первые дни после битвы все были заняты: лечили раненых, восстанавливали разрушенные стены библиотеки, хоронили тех, кого не успели спасти.

Брана похоронили под старым дубом во дворе — там, где его корни уходили глубже всего. Лира плакала. Кайрен стоял молча, и его кулаки тлели так, что трава под ногами чернела.

Элиана не плакала. Она стояла рядом и думала: Он был храбрым. Он сдерживал тьму, чтобы мы успели. Это была хорошая смерть.

И пугалась того, как спокойно ей это думается.

Потом, когда острая фаза прошла, начались странные вещи.

Сначала — мелочи. В теплице на третьем этаже, где студенты-землеведы выращивали учебные растения, один из кустов шиповника за ночь вырос на полметра. Его шипы стали длиннее и приобрели тёмно-красный оттенок. Преподавательница, барсучиха по имени мадам Грэт, списала это на остаточную магическую активность и велела обрезать побеги.

Через два дня обрезанные побеги отросли снова. Толще. Темнее.

Потом студенты начали замечать трещины. Не в стенах — стены уже починили. Трещины были в полу коридоров, в каменных плитах двора, в фундаменте башни астрономии. Из трещин не сочилась вода и не тянуло холодом. Из них шло тепло. Сухое, глубокое тепло, как от печи, спрятанной далеко под землёй.

И ещё — свет. Тусклый, красноватый. Его было видно только ночью, и только если прижаться щекой к самому полу. Некоторые первокурсники делали это ради забавы, а потом рассказывали друг другу страшные истории о том, что под Академией живёт огненный дракон.

Элиана не смеялась над этими историями.

Она знала, что там нет дракона. Там было кое-что другое. Кое-что, что она разбудила, когда отдала свою память кристаллу Первой Магини. Красный свет. Первородное тепло. Пробуждение.

Я не разбудила зло, повторяла она себе. Первая Магиня сказала, что это не зло. Это пробуждение. Земля просто просыпается.

Но земля просыпалась как-то неправильно.

— Ты опять не ела, — сказал Кайрен.

Он стоял в дверях столовой, огромный, с подносом в руках. На подносе — миска каши, два яблока и кружка травяного чая. Его медвежья шерсть, когда-то выгоревшая до розовой кожи в битве с Малкором, отросла заново, но неравномерно: на плечах и спине она была темнее, словно опалённая.

Элиана подняла взгляд от книги. Она сидела за дальним столом в углу библиотеки — не в главном зале, который всё ещё восстанавливали, а в маленьком читальном зале на втором этаже, где пахло пылью и старым клеем.

— Ела, — сказала она.

— Лира говорит, что не ела.

— Лира слишком много следит за мной.

Кайрен поставил поднос на стол и сел напротив. Стул скрипнул под его весом. Он смотрел на неё долго, своими маленькими тёмными глазами, и Элиана знала, что он пытается понять, что она чувствует. Раньше ему это удавалось. Они понимали друг друга без слов — зайчиха и медведь, огонь и земля, два человека, которые вместе спустились в ад и вернулись.

Но теперь между ними была дистанция. Не холодная, не враждебная. Просто... пустая. Та самая пустота, которая жила внутри Элианы, просачивалась наружу и ложилась между ними, как невидимое стекло.

— Как ты? — спросил он. Не «как дела», не «как настроение». Просто: «Как ты?»

Элиана закрыла книгу. Это были «Хроники Падения Первого Сада». Она перечитывала их уже в четвёртый раз, пытаясь найти что-то о красном свете, о Первородном тепле, о том, что происходит с землёй, когда Пустота запечатана, а баланс всё равно нарушен.

Но книга молчала. Новые строки, появившиеся в ночь битвы — «Истинный враг — забвение. И оно уже здесь. Посмотри под ноги» — больше не менялись. Чернила высохли и потускнели, как будто сказали всё, что хотели.

— Я в порядке, — сказала Элиана.

Кайрен фыркнул. Медвежье фыркание, низкое и гулкое, от которого вибрировал стол.

— Ты не в порядке. Ты не ешь. Ты не спишь. Ты читаешь одну и ту же книгу четвёртый раз. И ты... — он замолчал, подбирая слова. — Ты не злишься.

Элиана моргнула.

— Почему я должна злиться?

— Потому что ты отдала память о матери, Эли. Потому что Бран мёртв. Потому что половина академии в руинах. Нормальный человек злился бы. Или плакал. Или хотя бы... — он развёл лапы, — ...кричал.

Нормальный человек, подумала Элиана.

Но я не нормальный человек. Я та, кто отдала память, чтобы спасти всех. Я заплатила цену. И цена была правильной.

— Я не злюсь, потому что это не поможет, — сказала она вслух. — Злость не вернёт Брана. Не вернёт мою память. Не починит стены. А вот если я пойму, что происходит с землёй, — может быть, смогу предотвратить то, что будет дальше.

Кайрен смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом медленно кивнул.

— Ешь кашу, — сказал он. — Пока не остыла.

Он ушёл. Его шаги были тяжёлыми и ровными, и Элиана слушала их, пока они не стихли где-то на лестнице.

Он боится, подумала она. Он боится, что я сломалась. Что пустота внутри меня — это та же Пустота, с которой мы боролись.

Но он ошибается. Пустота внутри меня — это не враг. Это просто... тишина. Место, где раньше жила боль, а теперь её нет. Разве это плохо?

Она посмотрела на кашу. Взяла ложку. Съела три ложки и отложила.

Еда казалась безвкусной. Не потому, что была плохо приготовлена. Просто всё казалось немного... далёким. Как будто она смотрела на мир через мутное стекло.

Вечером она пошла в теплицу.

Не потому, что её кто-то звал. Просто ноги сами привели её туда, как будто земля под полом нашептывала направление.

Теплица на третьем этаже была длинным стеклянным коридором, уставленным столами с горшками, кадками и ящиками. Обычно здесь пахло влажной землёй, зеленью и удобрениями. Сегодня пахло иначе. Сладковато. Знакомо.

Запах увядания.

Элиана остановилась в дверях. Внутри было темно — только лунный свет через стеклянный потолок и тусклое мерцание магических ламп вдоль стен. Растения стояли рядами, и на первый взгляд всё выглядело нормально.

Но потом она увидела.

В дальнем углу, за столом с лекарственными травами, что-то двигалось.

Элиана подошла ближе, стараясь не шуметь. Её заячьи уши повернулись вперёд, улавливая каждый звук. Тишина. Только тихий, едва слышный треск — как будто кто-то медленно ломал сухие ветки.

За столом стоял куст болиголова. Обычный учебный экземпляр, который студенты использовали для зелий подавления. Вчера он был высотой по колено.

Сейчас он был выше Элианы.

Его стебли утолщились и потемнели, приобретя багровый оттенок, как будто по ним текла не вода, а кровь. Листья стали крупнее, с зазубренными краями, и на их поверхности проступали тёмные прожилки, пульсирующие в ритме, который Элиана почему-то узнавала.

Тук. Тук. Тук.

Тот самый ритм. Ритм, который она слышала в подземелье, когда Пустота билась в кристалле.

Но Пустота была запечатана. Она сама это сделала.

Значит, это не Пустота, подумала Элиана. Это что-то другое.

Она протянула руку к растению.

В тот момент, когда её пальцы коснулись стебля, её захлестнуло ощущение. Не звук, не образ — ощущение. Глубокое, первобытное, идущее откуда-то из-под пола, из-под фундамента, из самой сердцевины земли.

Голод.

Не злой. Не жестокий. Просто... голод. Огромный, древний, терпеливый. Что-то очень большое и очень старое проснулось и хотело есть. Хотело расти. Хотело заполнить всё пространство вокруг себя корнями и стеблями, шипами и цветами, пока не останется ничего, кроме зелёного и красного.

Элиана отдёрнула руку.

Её сердце колотилось. Не от страха — от чего-то другого. От узнавания.

Я знаю это чувство, подумала она. Я чувствовала его, когда стояла перед кристаллом Первой Магини. Земля говорила со мной. Она и сейчас говорит.

Она просит о помощи.

Элиана посмотрела на разросшийся болиголов. Его стебли медленно покачивались, хотя в теплице не было ветра. Один из побегов потянулся к соседнему горшку, где росла обычная ромашка, и обвился вокруг её стебля. Ромашка начала вянуть прямо на глазах, её белые лепестки серели и скручивались.

Она не просит о помощи, поправила себя Элиана. Она просто растёт. Так, как должна была расти всегда, если бы мы не заперли её под камнем и печатью.

Мысль пришла легко, естественно, как будто она всегда жила в её голове и просто ждала, пока её произнесут.

Мы запечатали Пустоту. Хорошо. Но вместе с Пустотой мы заперли и саму землю. Первородную силу. Жизнь, которая была здесь до Академии, до Первой Магини, до всех нас. И теперь она проснулась, и она голодна, и она будет расти, хотим мы того или нет.

Вопрос не в том, как её остановить.

Вопрос в том, как помочь ей расти правильно.

Элиана стояла в темноте теплицы и смотрела на багровые стебли болиголова, и внутри неё, в том самом месте, где была пустота вместо памяти о матери, шевельнулось что-то тёплое. Не радость. Не страх.

Цель.

Кто-то должен это сделать. Кто-то, кто связан с землёй. Кто-то, кто уже отдал свою цену и не боится отдать ещё.

Кто-то, у кого внутри достаточно пустоты, чтобы вместить то, что хочет войти.

Она посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, серая шерсть. Руки зайчихи из осторожного рода Лопари, который всю историю прятался и бежал.

Но зайцы больше не бегают, подумала она.

И эта мысль не испугала её.

Она вернулась в общежитие поздно. Коридоры были пусты, магические лампы горели вполнекала, бросая на стены длинные тени. Элиана шла тихо, её мягкие заячьи шаги не издавали ни звука.

На втором этаже она остановилась.

На полу, прямо посередине коридора, из трещины между каменными плитами пробивался росток.

Красный.

Не зелёный, не бледный, не белый. Глубокий, тёмно-красный, как венозная кровь. Он был толщиной с палец и высотой с ладонь, и на его верхушке уже набухал бутон, тугой и блестящий.

Элиана присела на корточки.

От ростка шло тепло. То самое глубокое, первобытное тепло, которое она чувствовала в ночь битвы, когда красный свет впервые пробился сквозь пол библиотеки.

Она протянула руку и коснулась бутона кончиком пальца.

Тепло разлилось по её руке, поднялось к плечу, ударило в грудь — прямо в то место, где жила пустота. И на одно мгновение, на долю секунды, пустота заполнилась. Не памятью — нет, она по-прежнему не помнила мать. Но чем-то другим. Ощущением связи. Ощущением, что она — часть чего-то огромного и древнего, что дышит и растёт и тянется к свету.

Бутон раскрылся.

Внутри был цветок. Маленький, с пятью лепестками цвета тёмного янтаря. В его сердцевине мерцал крошечный красный огонёк, пульсирующий в ритме: тук, тук, тук.

Элиана смотрела на него, и её губы тронула улыбка. Не радостная. Не грустная. Спокойная. Улыбка человека, который нашёл то, что искал, даже не зная, что искал.

Ты проснулась, подумала она, обращаясь к земле. И ты выбрала меня.

Я не подведу.

Она поднялась и пошла к своей комнате, не оглядываясь.

За её спиной, в тишине пустого коридора, красный росток потянулся вверх ещё на сантиметр. Его корни, невидимые глазу, разошлись под каменными плитами, тонкие, как нити, и горячие, как угольки.

Они росли.

Медленно. Терпеливо. Голодно.

И никто в спящей Академии не слышал тихого, едва уловимого шёпота, который шёл из-под пола. Не шёпот увядшей листвы — тот остался в прошлом.

Это был шёпот корней. Молодых, красных, живых.

Шёпот того, что растёт в тишине.

Глава 2. Первая жертва

Красный росток в коридоре не увял к утру.

Наоборот, он стал выше. Его стебель, толщиной теперь с мизинец, приобрел цвет запекшейся крови, а единственный бутон на его верхушке раскрылся, явив миру не лепестки, а нечто похожее на пульсирующую, влажную сердцевину.

Элиана стояла перед ним, держа в руке тяжелый медный подсвечник. Одно движение — и она раздавит этот уродливый побег. Так поступила бы прежняя Элиана. Та, что боялась темноты и верила, что магия жизни должна быть чистой и светлой.

Но прежней Элианы больше не существовало. В той части её груди, где раньше билось воспоминание о матери, теперь была лишь тихая, ровная пустота. И эта пустота не боялась красного ростка. Она откликалась ему.

Элиана медленно опустила подсвечник. Она протянула руку и коснулась влажной сердцевины цветка.

Тук-тук-тук.

Ритм пробежал по её пальцам, поднялся к плечу и отозвался в висках. Это был не голос Пустоты — та была холодной и голодной. Это было что-то другое. Тяжёлое, горячее, терпеливое. Земля не умирала. Она менялась. Она сбрасывала старую кожу, и этот процесс был болезненным, как роды.

Ты хочешь расти, подумала Элиана, и эта мысль не вызвала у неё ужаса. Только понимание. Но камень мешает тебе. Камень Академии — это клетка. А ничто живое не выживает в клетке.

Она убрала руку. Росток слегка качнулся, словно кивнув ей, и потянулся своими усиками к трещине в каменном полу. Элиана развернулась и пошла на занятия. У неё не было времени. Ей нужно было учиться понимать этот новый язык.

В большой стеклянной теплице на третьем этаже было душно. Воздух пах влажной землёй, удобрениями и тем самым сладковатым запахом увядания, который теперь стал фоном для всей Академии.

Мадам Грэт, пожилая барсучиха с седыми полосами на морде, расхаживала между столами, строго следя за первокурсниками.

— Корневая система мандрагоры требует постоянной подпитки светом, — бубнила она, постукивая костлявым пальцем по горшку. — Если вы позволите тени упасть на субстрат, корни начнут искать альтернативный источник энергии. А альтернативный источник в замкнутом пространстве — это вы сами.

Элиана сидела за дальним столом, механически пересыпая сухую почву из одного ведра в другое. Кайрен, который должен был быть на практике по боевой магии, настоял на том, чтобы прийти сюда «для подстраховки». Он стоял у двери, скрестив мощные лапы на груди, его тёмные глаза непрерывно сканировали помещение.

— Тебя это тоже беспокоит? — тихо спросила Элиана, не поднимая взгляда. — Пахнет неправильно, — буркнул медведь. — Сладко. Как в склепе. — Это просто запах переросших грибов, — отозвалась она. Но сама знала, что это ложь.

Внезапно раздался тонкий, пронзительный вскрик.

Элиана вздрогнула и подняла голову. За соседним столом, у самого окна, стоял первокурсник-полёвка по имени Тим. Он был маленьким, неуклюжим и всегда пачкал мантию в чернилах. Сейчас он стоял, широко раскрыв глаза, а его лапы были по локоть погружены в горшок с «спящим» лиановидным плющом.

Но плющ не спал.

Тонкие, бледно-зелёные стебли, которые секунду назад были мягкими, теперь вздулись и приобрели багровый оттенок. Они обвивали запястья Тима, впиваясь в его шерсть тонкими, как иглы, шипами.

— Мадам Грэт! — пискнул Тим, дёргая руками. Но чем сильнее он дёргался, тем плотнее сжимались петли. Багровый цвет начал ползти от его лап вверх, к локтям. Его вены набухли, проступив под кожей тёмно-красной сетью.

— Не двигайся, глупый ребёнок! — Мадам Грэт бросилась к нему, доставая из кармана серебряный серп. — Это инверсия! Субстрат заражён Красным Мором!

Она замахнулась, чтобы перерубить основной стебель у основания горшка. Но как только лезвие коснулось багровой коры, растение издало звук, похожий на шипение змеи. Из горшка вырвался густой, малиновый туман. Споры.

— Назад! — закричал Кайрен, выхватывая огонь. Но в теплице было слишком много сухих листьев и торфа. Огонь здесь означал смерть для всех.

Мадам Грэт закашлялась, отшатываясь от тумана. Споры оседали на её шерсти, и там, где они касались кожи, начинали прорастать крошечные красные нити.

Тим уже не кричал. Его глаза закатились, рот был открыт в беззвучном крике. Лиана обвивала его грудь, проникая шипами прямо в сердце. Он больше не был студентом. Он стал почвой. Сосудом для прорастания.

Паника охватила класс. Студенты бились в дверях, толкали друг друга, задыхаясь от малинового тумана.

Элиана смотрела на Тима. Она видела, как багровая сеть пульсирует в такт её собственному сердцу. Растение питалось его страхом, его жизнью, и становилось всё сильнее. Если оно прорвётся сквозь стекло теплицы, если его споры попадут в вентиляцию Академии...

Гниль нельзя вылечить светом, прошептал внутренний голос. Гниль можно только выжечь. Или высушить.

Элиана шагнула вперёд, разрывая пелену малинового тумана. Споры касались её кожи, но не прорастали. Они умирали, коснувшись той самой тихой пустоты внутри её груди. Пустота была больше, чем голод этого растения. Пустота была абсолютной.

Она подошла к Тиму. Полёвка уже не дышала. Его грудная клетка вздымалась и опускалась под ритмичные сокращения багровых лиан. Корни ушли слишком глубоко. Они срослись с его нервной системой.

— Эли, не надо! — крикнул Кайрен из-за двери, видя, что она делает. — Ты не сможешь отделить его! Если ты ударишь по растению, ты убьёшь его!

Элиана услышала его. Но она также услышала то, что говорил шёпот в стенах. Сострадание к больному побегу губит весь сад.

Она подняла руки. Она не стала призывать корни или воду. Она обратилась к той стороне магии земли, которую преподаватели называли теорией, а древние хранители — запретом. Она обратилась к осени. К тому моменту, когда жизнь останавливается, чтобы стать удобрением.

Элиана закрыла глаза и провалилась в свою внутреннюю пустоту. Она нашла там холод. Абсолютный, безразличный холод забвения. И она направила его в свои ладони.

— Увянь, — прошептала она.

Это не было заклинанием. Это было приказом.

Воздух вокруг её рук дрогнул и потускнел. Цвета исчезли, оставаясь лишь в оттенках серого и чёрного. Элиана коснулась багровых лиан, опутавших грудь Тима.

Растение не закричало. Оно просто... остановилось. Багровый цвет мгновенно сменился мертвенно-чёрным. Шипы рассыпались в мелкую, серую пыль. Лианы превратились в сухие, ломкие нити, которые тут же осыпались на пол.

Но связь была слишком глубокой. Корни уже пили его кровь, его магию, его душу.

Когда магия инверсии ударила по растению, она пошла дальше. По тем невидимым нитям, что связывали цветок и мальчика.

Тим тихо выдохнул. Его тело не упало. Оно просто рассыпалось. Сначала шерсть, потом кожа, потом кости — всё превратилось в серый пепел, который медленно осел на каменный пол теплицы, смешиваясь с прахом мёртвого растения.

Горшок был пуст. Тима не стало.

Тишина в теплице была звенящей, неестественной. Малиновый туман осел, превратившись в обычную серую пыль. Мадам Грэт сидела на полу, кашляя и с ужасом глядя на Элиану. Студенты у дверей замерли, их лица были белыми, как мел.

Элиана смотрела на свои руки. Они не дрожали.

Я не убила его, подумала она, и эта мысль была кристально ясной, логичной и холодной. Он уже мёртв. Растение съело его, как только шипы вошли в кожу. Я лишь забрала то, что принадлежало земле. Я остановила гниль. Если бы я колебалась, споры убили бы весь первый курс. Я — садовник. А садовник не плачет по опавшим листьям.

Боль? Она не чувствовала боли. Только лёгкое, едва заметное разочарование, что форма была потеряна так быстро.

— Что ты наделала... — прошептала мадам Грэт, прижимая к груди обожжённые спорыми лапы. — Ты... ты убила его. Ты использовала инверсию... На студента...

Элиана медленно повернула голову. Она хотела ответить, что это было необходимо. Что баланс требовал жертвы. Но голос раздался не её.

— Она спасла вас всех.

Из тени тропических папоротников в глубине теплицы вышла девушка. Человеческая девушка — редкость в Академии, но в прошлом году открыли набор для «внешних наблюдателей» из дальних архивов. Её звали Василиса. Она носила скромную серую мантию архивариуса, а её светлые волосы были туго заплетены в косу.

Василиса не выглядела напуганной. Она спокойно перешагнула через порог пепла, подошла к пустому горшку и присела на корточки, разглядывая серый прах.

— Магия жизни требует света, — сказала Василиса, её голос был тихим, но в звенящей тишине его слышал каждый. — Но земля под светом — это лишь тонкий слой. Под ним лежит тьма. Тление. Распад. Без распада нет нового роста.

Она подняла взгляд на Элиану. Её глаза были очень тёмными, почти чёрными, и в них не было ни осуждения, ни страха. Только глубокое, пугающее понимание.

— Мастер Торн учил вас создавать, — продолжила Василиса, поднимаясь и отряхивая мантию. — Но он забыл научить вас убивать. Чтобы сад жил, кто-то должен уметь вырывать сорняки с корнем. Вы сделали это чисто, Элиана. Без лишних страданий.

Мадам Грэт открыла рот, чтобы возразить, чтобы закричать о нарушении запретов, но Василиса лишь слегка посмотрела на неё. И барсучиха захлопнула рот, словно невидимая рука сдавила ей горло.

— Уведите студентов, — спокойно сказала Василиса, не повышая голоса. — Проветрите помещение. Я прослежу, чтобы здесь всё убрали.

Студенты, не смея дышать, выскользнули из теплицы. Кайрен задержался на секунду. Он посмотрел на Элиану, потом на пепел, потом на Василису. В его глазах был немой вопрос: Что с тобой происходит, Эли? Но он не знал, как его задать. И молча вышел, опустив голову.

В теплице остались только они двое. И кучка пепла на месте, где минуту назад стоял мальчик.

Василиса подошла к Элиане. От неё пахло не травами и не землёй. От неё пахло старыми книгами, сухим пергаментом и чем-то ещё... чем-то древним, похожим на запах мумий в далёких пустынных гробницах.

— Тебе не страшно, — констатировала Василиса. Это не был вопрос. — Нет, — ответила Элиана. И это была правда. — Хорошо. — Василиса чуть заметно улыбнулась. Улыбка не коснулась её глаз. — Страх делает руки дрожащими. А тебе предстоит делать гораздо более сложные срезы, Элиана Ветвь-Ивы. Земля проснулась. И она очень, очень голодна.

Василиса протянула руку и аккуратно, двумя пальцами, взяла с полки одну из сухих, мёртвых лиан, что не успела рассыпаться.

— Приходи в архив после заката, — сказала она, пряча мёртвый побег в широкий рукав. — У меня есть для тебя кое-что. Книги, которые мастер Торн сжёг бы при первом же взгляде. Книги о том, как договариваться с тем, что растёт в темноте.

Василиса развернулась и пошла к выходу. Её шаги были бесшумными.

Элиана осталась стоять в центре теплицы. Она посмотрела на свои руки, затем на кучку пепла.

Я садовник, повторила она про себя, и пустота внутри неё приятно, тепло отозвалась на эту мысль. И мой сад только начинает цвести.

Глава 3. Тайный архив

К утру новость о том, что случилось в теплице, облетела всю Академию.

Говорили, что Элиана Ветвь-Ивы убила первокурсника. Говорили, что она использовала запретную магию инверсии. Говорили, что её глаза светились мёртвым серым светом, когда она превращала Тима в пепел.

Элиана слышала эти шёпоты в коридорах. Она видела, как студенты расступаются перед ней, прижимаясь к стенам, словно она была той самой тенью, что ползла против солнца. Она видела страх в глазах преподавателей и брезгливость в взглядах старшекурсников.

Но самое странное было то, что ей было всё равно.

Они называют это убийством, думала она, идя по пустому коридору третьего этажа. Но убийство — это хаос. Убийство — это когда ломают ради удовольствия или гнева. А то, что сделала я... это порядок. Это обрезка.

Она остановилась у окна. Внутренний двор Академии всё больше напоминал поле битвы. Трава местами выгорела до красной, больной охры. Старый вяз, который ещё неделю назад был просто серым, теперь ронял листья. Но листья не падали на землю — они рассыпались в мелкую, красную пыль, едва касаясь камней.

Земля задыхается, прошептал внутренний голос. Он звучал не в ушах, а прямо за грудиной, в том самом месте, где зияла тихая пустота на месте памяти о матери. Мы заперли её под камнем. Восемьсот лет мы пили её соки через руны и печати, а взамен давали только камень и пепел. Красный Мор — это не болезнь. Это крик. И я... я единственная, кто его слышит.

Элиана посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, серая шерсть. Они не дрожали. Вчера они превратили живое существо в прах, и сегодня они чувствовали себя сильнее, чем когда-либо. Пустота внутри неё больше не была холодной. Она была похожа на вспаханное поле перед посевом. Тёмное, уютное, готовое принять семена.

После заката Элиана спустилась в нижние уровни библиотеки.

Василиса не сказала ей, где именно они встретятся. Она лишь оставила на подоконнике в общежитии Элианы засушенный красный лист с прожилками, похожими на венозную сеть, и написанную углём цифру: Семь.

Седьмой подвал. Уровень, которого не было на официальных картах Академии.

Лестница вниз была узкой и винтовой. Воздух здесь пах не пылью и старыми книгами, а чем-то тяжёлым, металлическим и влажным. Пахло медью и сырой землёй.

В конце коридора, за дверью без ручки, горел тусклый свет. Элиана толкнула её плечом.

Комната оказалась бывшей угольной камерой, переделанной в тайный архив. Вдоль стен стояли не полки, а каменные ниши, в которых лежали свитки, покрытые воском, и дощечки с рунами. В центре, за простым деревянным столом, сидела Василиса.

Она не подняла взгляд, когда Элиана вошла. Девушка-человек аккуратно разглаживала на столе какой-то древний пергамент. Её светлые волосы были собраны в тугую косу, а серая мантия архивариуса была застёгнута на все пуговицы, несмотря на сырость подполья.

— Ты пришла, — сказала Василиса. Её голос был ровным, без намёка на осуждение или страх. — Я думала, они заперт тебя в комнате до суда Инквизиторов Академии.

— Инквизиторы боятся спускаться сюда, — ответила Элиана, подходя к столу. — Они боятся того, что не могут контролировать.

Василиса наконец подняла взгляд. Её тёмные глаза казались почти чёрными в свете единственной масляной лампы.

— Мудрый ответ для зайчихи, — она чуть улыбнулась. — Садись, Элиана. То, что я тебе покажу, нельзя читать стоя.

Василиса придвинула к краю стола тяжёлую книгу. Переплёт был сделан не из кожи, а из толстой, грубой коры, покрытой сетью трещин. На обложке не было названия, только вдавленный символ: корень, обвивающий человеческий череп.

— Это «Трактат о Первородном Договоре», — тихо сказала Василиса. — Его написал не маг. Его написал сам лес, до того, как люди научились запирать его в камни. Прочти третью главу.

Элиана открыла книгу. Страницы были тонкими, похожими на сухие листья. Текст был написан на древнем наречии, но слова складывались в её голове сами собой, откликаясь на ту самую пустоту внутри её груди.

«...и сказала Земля: Я даю жизнь, но жизнь требует смерти. Вы же, дети камня, построили стены, чтобы обмануть меня. Вы взяли рост, но отказались от гниения. Вы взяли урожай, но отказались от осени. Но знайте: если вы запретите мне умирать, я научусь убивать вас...»

Элиана медленно провела пальцем по строкам. Бумага под её пальцем была тёплой. Живой.

— Они учат нас, что магия жизни — это свет, — прошептала Элиана, не отрывая взгляда от страниц. — Что исцеление — это всегда возвращение к целостности. Но это ложь.

— Это удобная ложь, — кивнула Василиса. — Магистр Торн и другие хранители верят, что могут заморозить мир в идеальном состоянии. Но мир не статичен. Чтобы новое могло родиться, старое должно сгнить. Мадам Грэт вчера пыталась лечить Красный Мор светом. И что получилось?

— Свет стал для него удобрением, — глухо ответила Элиана. — Он рос быстрее.

— Именно, — Василиса сложила руки на столе. — Ты поняла это в теплице, Элиана. Ты не лечила. Ты сделала то, что должно было быть сделано. Ты принесла Осень.

Василиса протянула руку и коснулась обложки книги.

— Первородный Договор не был договором с Пустотой. Пустота — это лишь симптом. Договор был с Землёй. Первая Магиня не запечатала тьму. Она запечатала голод Земли. Она отрезала её от права забирать жизни, чтобы спасти людей. Но корни помнят. И они прорываются обратно.

Элиана подняла глаза.

— Что мне делать, Василиса? Я чувствую, как они растут под полом. Я чувствую, как они хотят... есть. И когда я закрываю глаза, я вижу, как помогаю им.

Василиса посмотрела на неё долго и внимательно. В её взгляде не было ни жалости, ни страха. Только холодное, выверенное ожидание.

— Ты садовник, Элиана. Садовник не спрашивает разрешения у сорняков. Он просто идёт вдоль грядок. Земля выбрала тебя, потому что внутри тебя есть место, где нет боли. Нет привязанностей. Нет страха. Ты отдала свою самую дорогую память, чтобы спасти этот мир. Теперь мир хочет отплатить тебе. Позволь ему.

Элиана закрыла книгу. Тёплая кора обожгла пальцы, но ей понравилось это ощущение.

Она права, пронеслось в голове. Боль — это эгоизм. Сострадание к больному побегу губит весь сад. Я не буду бояться своей силы. Я буду её инструментом.

В этот момент из-за тяжёлой дубовой двери послышался звук.

Кашель. Сухой, надрывный, переходящий в хрип. А затем — тихий стук тела о камень.

Элиана вскочила. Василиса даже не шелохнулась. Она лишь слегка кивнула в сторону двери.

— Открой.

Элиана рванула дверь на себя. На каменном полу коридора, скорчившись, лежал студент. Это был лисёнок с первого курса, совсем ещё юный, с пушистым хвостом, который сейчас был грязным и слипшимся.

Его рот был открыт в беззвучном крике. Из уголков губ, из ноздрей, даже из ушей сочилась густая, багровая пыль. Его грудная клетка вздымалась рывками, а под тонкой кожей на шее и руках виднелись вздувшиеся, тёмно-красные вены. Споры Красного Мора. Он надышался ими в теплице вчера, и теперь они прорастали внутри него.

— Пом... мо... — прохрипел лисёнок, протягивая к Элиане дрожащую лапу. Его глаза были залиты кровью, но в них читался животный, первобытный ужас.

Элиана опустилась на колени рядом с ним.

— Тише, — сказала она. Её голос звучал на удивление мягко.

Она посмотрела на Василису. Та стояла в дверях, скрестив руки на груди.

— Магия света не поможет, — спокойно констатировала Василиса. — Свет ускорит рост. Он уже в лёгких. Через минуту корни разорвут его грудную клетку.

— Что мне делать? — спросила Элиана. Она знала ответ. Но ей нужно было услышать его вслух. Нужно было, чтобы кто-то разделил с ней этот груз.

Василиса шагнула ближе. Её тень упала на корчащегося лисёнка.

— Ты садовник, Элиана. Что ты делаешь с гнилью, которая проникла в ствол?

Элиана посмотрела на свои руки. Пустота внутри неё пульсировала в ритме с хрипом лисёнка. Она не чувствовала жалости. Она чувствовала целесообразность.

Если я оставлю его, он станет монстром. Он убьёт других. Его боль бесполезна. Моя цель — сохранить сад.

Элиана положила ладонь на грудь лисёнка, прямо туда, где под кожей бугрились багровые узлы корней.

— Прости, — прошептала она. Но это было не извинение перед жертвой. Это было благословение инструмента.

Она не стала призывать жизнь. Она призвала конец.

Магия инверсии ударила не в лисёнка, а в то, что росло внутри него. Элиана представила, как наступает зима. Как мороз сковывает соки. Как листья опадают, чтобы дерево могло переждать холода.

Багровые вены на шее лисёнка мгновенно почернели. Он дёрнулся, его спина выгнулась дугой, и из его горла вырвался не крик, а облако сухой, серой пыли.

Корни внутри него умерли. Но вместе с ними умерла и часть его лёгких, часть его плоти, которая успела срастись с паразитом.

Лисёнок обмяк, тяжело дыша. Он был жив. Но его левая рука, от плеча до локтя, превратилась в серую, безжизненную корку, похожую на обугленную древесину. Он потерял её. Навсегда.

Он посмотрел на свою мёртвую руку, затем на Элиану. В его глазах не было благодарности. Только шок и боль. Он тихо заплакал, прижимая обугленную конечность к груди.

Элиана медленно встала. Её руки были чистыми.

Я спасла его, подумала она, глядя на свою ладонь. Я отсекла больную ветвь. Он будет жить. Он будет помнить этот урок. Это и есть истинная забота.

Василиса подошла к лисёнку, накинула на его плечи свою серую мантию и мягко подтолкнула его к лестнице, ведущей наверх, в безопасные зоны.

— Иди, — тихо сказала она ему. — Скажи им, что ты заблудился. Скажи им, что тебя спасла магия земли. Но не говори им, как именно. Они не поймут.

Лисёнок, шатаясь, пошёл вверх, оставляя за собой серые следы пепла.

Василиса вернулась в комнату и закрыла дверь. Она посмотрела на Элиану, и в её тёмных глазах вспыхнул огонек, похожий на торжество.

— Ты сделала это чисто, — сказала она. — Без лишних страданий. Без колебаний.

Элиана стояла посреди комнаты. Она ждала, что внутри неё поднимется волна вины, что её стошнит, что она заплачет, глядя на искалеченного ребёнка.

Но ничего не произошло.

Пустота внутри неё была тихой. Умиротворённой. Она впитала в себя этот акт «милосердия», как сухая земля впитывает первую весеннюю кровь.

— Я поняла, — сказала Элиана. Её голос звучал ровно, как камень. — Боль — это просто сигнал. А я умею отключать сигналы.

Василиса улыбнулась. На этот раз улыбка коснулась её глаз.

— Тогда завтра, — она вернулась к столу и открыла «Трактат» на следующей главе, — мы поговорим о том, как отключить сигналы для всего леса.

Элиана кивнула. Она посмотрела на свои руки и впервые за долгое время почувствовала, что они принадлежат не зайчихе из осторожного рода Лопари.

Они принадлежали Земле.

Глава 4. Обрезка

К утру Академия гудела, как растревоженный улей.

Новость о том, что случилось в коридоре седьмого подвала, разлетелась быстрее, чем споры Красного Мора. Говорили, что первокурсник-лисёнок Рен сошёл с ума. Говорили, что он сам оторвал себе руку, пытаясь выбраться из ловушки в старых катакомбах. Говорили, что его нашли в шоке, а его конечность выглядела так, словно её веками держали в огне.

Элиана сидела в столовой, механически перемешивая ложкой остывшую овсянку. Она слушала шёпоты за соседними столами, и внутри неё не было ни капли вины.

Они боятся правды, думала она, глядя на то, как капли конденсата стекают по стеклу окна. Они думают, что я его искалечила. Но я его спасла. Гниль уже пустила корни в его лёгких. Если бы я не отсекла больную ветвь, он стал бы удобрением для того, что растёт под полом. Я сделала то, что должен делать садовник. Я остановила заразу.

Пустота в её груди, там, где раньше билось воспоминание о матери, была тихой и холодной. Она не требовала оправданий. Она просто принимала факты. Факт первый: Рен жив. Факт второй: Красный Мор требует жертв. Факт третий: светлая магия бессильна перед тем, что не знает света.

— Ты даже не притворяешься, что расстроена, — раздался голос над её ухом.

Элиана подняла глаза. Кайрен стоял, держа в лапах поднос, но не садился. Его тёмные глаза были налиты кровью, а шерсть на загривке стояла дыбом. Он не ел уже вторые сутки.

— О чём ты, Кай? — спокойно спросила она.

— О Рене, — рыкнул он тихо, чтобы не слышали другие. — Я был в лазарете. Он плакал, Эли. Он бился в истерике, когда целители прижигали культю. Он шептал твоё имя. Он сказал, что ты смотрела на него не как на друга. А как на... как на сорняк.

Элиана медленно положила ложку. Металл звякнул о фарфор, и этот звук показался ей неестественно громким.

— Я смотрела на него как на носителя инфекции, — ответила она ровным голосом. — Если бы я смотрела на него как на друга, он бы сейчас гнил в темноте, а его крики оглашали бы коридоры.

Кайрен отшатнулся, словно она ударила его.

— Ты слышишь, что ты говоришь? — его голос дрогнул. — Эли, это ты. Та, кто плакала из-за сломанной лапки воробья на первом курсе. Та, кто отдавала свою память, чтобы спасти нас всех. Куда ты делась? Что это за холод в твоих глазах?

Я никуда не делась, подумала Элиана. Просто я поняла то, чего не понимаешь ты. Слёзы по воробью не вернут его к жизни. А пепел Рена остановит Мора.

— Я изменилась, Кай, — сказала она вслух, и в её тоне не было извинения. — Земля изменилась. Старые правила больше не работают. Ты всё ещё пытаешься лечить огонь водой, а я учусь управлять пеплом.

Кайрен смотрел на неё долго. В его взгляде боролись любовь, страх и нарастающее отчуждение. Он медленно опустил поднос на стол.

— Берегись, Эли, — тихо сказал он. — Если ты начнёшь видеть в людях только удобрения, ты очень скоро забудешь, как отличить сад от кладбища.

Он развернулся и ушёл. Элиана проводила его взглядом. Ей должно было быть больно. Она знала, что в такой ситуации люди чувствуют боль, одиночество и страх потери. Но внутри неё была только тишина. И лёгкое, едва заметное раздражение.

Он слеп, пронеслось в голове. Он цепляется за иллюзии. Придётся ему объяснить позже. Когда у него будет время понять.

К полудню ситуация во дворе вышла из-под контроля.

Элиана вышла на крыльцо главного корпуса и остановилась. Воздух пах не озоном и не книжной пылью. Он пах медью и перезрелыми, гниющими яблоками.

В центре внутреннего двора, там, где раньше бил фонтан, каменные плиты разошлись. Из разлома пульсировал густой, багровый свет. А вокруг него стояли пятеро первокурсников. Они держались за руки, образовав круг, и пели заклинание очищения. Из их ладоней бил яркий, ослепительный белый свет — магия жизни в её самом чистом проявлении.

— Они сошли с ума, — прошептал кто-то из старшекурсников рядом с Элианой. — Свет питает Мора. Им же сказали!

Элиана знала это. Она видела, как багровые лианы, которые начали пробиваться из разлома, не отступают от света. Наоборот. Они набухали, становились толще, их шипы удлинялись, глядя на студентов, как на источник сахара.

— Прекратите! — крикнула Элиана, спускаясь по ступеням. — Немедленно разорвите круг! Свет делает их сильнее!

Но было поздно. Первокурсники, увлечённые своей праведной магией, не слышали её. Они вкладывали всё больше силы, веря, что добро должно побеждать зло.

Один из багровых побегов, толщиной с руку, вздрогнул. Он метнулся вперёд с неестественной скоростью, разрывая воздух с тошнотворным свистом.

Белый свет погас. Раздался хруст ломающихся костей и короткий, обрывающийся крик.

Когда пыль осела, Элиана увидела, что трое первокурсников лежат на земле. Их тела были опутаны багровыми лианами, которые уже начинали впиваться шипами в их мантии. Двое других стояли в кататоническом шоке, их глаза были залиты красным, а рты открыты в беззвучном крике.

— Торн! — закричал кто-то.

Мастер Торн выбежал из арки. Старый медведь выглядел ужасающе: его шерсть была серой, а движения — тяжёлыми и замедленными. Он ударил посохом о землю. Волна глухой, тяжёлой магии камня ударила по двору, вдавливая багровые лианы обратно в разлом. Камни сомкнулись, запечатывая дыру, но цена была видна сразу: Торн закашлялся, и на его губах выступила чёрная, как дёготь, кровь.

Элиана подошла ближе. Студентов уже оттаскивали целители. Один из первокурсников, тот, что стоял первым, был мёртв. Его грудь была пронзена шипом, а лицо застыло в маске блаженства — Мора успел напиться его страхом и светом.

Торн оперся на посох, тяжело дыша. Он посмотрел на мёртвого студента, затем перевёл взгляд на Элиану. В его глазах не было гнева. Только бесконечная, старческая усталость.

— Ты видела это, Элиана, — прохрипел он. — Ты знала, что свет их убьёт. Почему ты не остановила их раньше? Силой. Магией. Чем угодно.

Элиана посмотрела на тело мальчика. — Они не послушали бы меня, мастер Торн. Они верили, что делают правильно. — Их вера убила его, — тихо сказал Торн. — А твоё бездействие... твоё бездействие позволило этому случиться. Ты знала, но стояла и смотрела. Как наблюдатель.

Я не наблюдатель, подумала Элиана, глядя на чёрную кровь на губах старика. Я учусь. Я смотрю, как умирают те, кто цепляется за старые догмы. Чтобы понять, что нужно делать вместо этого.

— Магия света требует баланса, мастер, — сказала она вслух, её голос звучал пугающе ровно. — Но земля под нами больше не хочет баланса. Она хочет есть. Мы кормим её иллюзиями, и она давится ими.

Торн отступил на шаг, словно от него пахло морозом. Он внимательно посмотрел ей в глаза, и Элиана увидела, как в его зрачках отражается её собственное лицо. Спокойное. Пустое.

— Ты пахнешь осенью, Элиана, — тихо сказал он. — Не той, что приносит урожай. А той, что морозит землю перед долгой зимой. Ты спускаешься в архивы. К той девушке. К Василисе.

Элиана не дрогнула. — Она помогает мне понять, что происходит. — Она помогает тебе оправдать то, что ты делаешь, — отрезал Торн. — Помни, девочка: тьма не всегда приходит с рогами и хвостом. Иногда она приходит с доброй улыбкой и книгой, которая говорит тебе именно то, что ты хочешь услышать.

Он развернулся и пошёл к лазарету, оставляя её одну посреди двора, где запах гниющих яблок становился всё сильнее.

Вечером Элиана вернулась в свою комнату в общежитии.

Она ожидала увидеть Кайрена, который пришёл бы мириться, или Лиру, которая попыталась бы её обнять и сказать, что всё будет хорошо. Но комната была пуста. Лира ушла на ночное дежурство в лазарет, а Кайрен... Кайрен, наверное, избегал её.

На её столе, прямо посередине, лежал небольшой свёрток из грубой, небелёной ткани.

Элиана подошла ближе. Никаких записок. Никаких печатей. Только знакомый, едва уловимый запах сухого пергамента и чего-то древнего.

Она развернула ткань. Внутри лежал небольшой, гладкий камень, похожий на обсидиан. Но в его центре, словно застывшая капля смолы, пульсировала крошечная, тёмно-красная искра.

Рядом лежала записка, написанная ровным, аккуратным почерком Василисы: «Свет ослепляет. Тьма скрывает. Но только в пепле прорастают самые крепкие семена. Положи его под подушку, Элиана. Послушай, о чём они шепчут, когда думают, что их никто не слышит».

Элиана взяла камень в ладонь. Он был тёплым. Живым.

Как только её кожа коснулась обсидиана, пустота в её груди отозвалась. Не болью. Не холодом. А узнаванием.

Из камня не раздавались голоса. Из него исходило чувство. Огромное, терпеливое, древнее чувство голода. Оно было связано с тем, что росло под полом Академии. С тем, что ждало своего часа.

Элиана поняла, что Василиса не просто даёт ей знания. Василиса даёт ей инструменты. И, что важнее, Василиса видит её насквозь. Она знает, что Элиана больше не боится темноты. Она знает, что Элиана готова стать её частью.

Она думает, что ведёт меня, пронеслось в голове Элианы. Внутренний голос звучал мягко, почти с нежностью. Она думает, что я — её ученица. Её сосуд. Её инструмент.

Элиана сжала камень в кулаке. Тёплая искра внутри него обожгла ладонь, но она не разжала пальцев.

Глупая девочка, подумала Элиана, и в её мыслях не было злобы. Только кристально ясное, холодное понимание своей будущей силы. Она не понимает. Я не хочу быть её инструментом. Я хочу быть садовником. А у садовника есть только один закон: то, что не растёт — умирает.

Она положила камень под подушку. Легла в кровать и закрыла глаза.

В темноте комнаты, сквозь тишину спящего общежития, она слышала, как глубоко под землёй, за километрами камня и корней, что-то огромное и голодное делает ещё один вдох.

И Элиана вдохнула вместе с ним.

Глава 5. Испепеляющий свет

Камень, который Василиса положила ей на стол, не был холодным. Он был тёплым, как тело спящего животного, и пульсировал в ритме, который Элиана теперь узнавала мгновенно. Тук-тук-тук. Ритм глубинных корней.

Она сидела на краю кровати в тёмной комнате общежития, сжимая обсидиан в ладони. За окном бушевала осенняя буря, но Элиана не слышала ветра. Её сознание, подпитываемое странным даром камня, уходило вниз. Сквозь половицы, сквозь фундамент, сквозь слои мёртвого камня — туда, где жила новая, красная сеть.

Она не чувствовала зла. Пустота из первой книги была холодной и голодной, она хотела отнять. А это... это хотело дать. Но его дары были чужды человеческому пониманию. Оно предлагало жизнь без границ, рост без остановки, слияние без индивидуальности.

Они не монстры, подумала Элиана, чувствуя, как багровые нити под городом тянутся к её сознанию, словно щенки к матери. Они просто голодны. И они не понимают, почему мы строим стены. Для них камень — это не защита. Это кость, которую нужно перемолоть.

Она разжала ладонь. Камень потускнел, возвращаясь в своё спящее состояние. Элиана посмотрела на свои руки. Кожа казалась ей слишком тонкой, слишком хрупкой оболочкой для того, что начинало расти внутри. Пустота на месте памяти о матери больше не была просто дырой. Она стала корнем. Точкой опоры, от которой отходили новые, чёрные и красные нити её восприятия мира.

Свет ослепляет, вспомнила она слова из книги, которую им дала Василиса. Только в тени можно разглядеть форму вещей.

К утру Академия проснулась не от звонка, а от криков.

Элиана вышла в коридор и сразу почувствовала запах. Сладкий, тошнотный аромат переспелых фруктов и влажной земли. Он шёл из крыла теплиц, но теперь он был настолько густым, что оседал на языке.

Когда она спустилась в главный холл, там уже царил паника. Студенты сбегались к аркам, ведущим в зимний сад.

— Они прорвались! — кричала кто-то. — Защитные руны не работают!

Элиана протиснулась сквозь толпу и остановилась. Зимний сад, огромная стеклянная оранжерея, больше не напоминал оранжерею. Стекло треснуло и было затянато изнутри багровой, пульсирующей массой. Корни, толщиной с человеческое бедро, извивались, как змеи, разбивая каменные колонны.

Но самое страшное было не это. Внутри этой массы, запутанные в багровых лианах, висели студенты. Они не кричали. Их глаза были открыты, зрачки расширены, а рты растянуты в застывшей, блаженной улыбке. Из их тел в растения текла тонкая, золотистая нить — их магия, их жизнь. Красный Мор не просто убивал их. Он использовал их как батареи, как удобрение.

— Отступить! — голос мастера Торна прорезал панику, как удар хлыста.

Старый медведь стоял у входа в оранжерею, опираясь на посох. Его шерсть была седой, лицо — мрачным. За его спиной выстроились пятеро старшекурсников — элита академии, маги света и огня.

— Мастер Торн, не надо! — крикнула Элиана, проталкиваясь вперёд. — Свет их питает! Огонь — это тоже энергия! Вы только разозлите их!

Торн посмотрел на неё. В его глазах не было гнева, только бесконечная, старческая усталость и толика страха. — У нас нет выбора, Элиана. Если эти корни доберутся до библиотечного ядра, они выпьют знания восьми веков за одну ночь. Мы должны выжечь их. Солнечным Империем.

Элиана почувствовала, как холод пробирается к сердцу. Солнечный Империиум — это заклинание чистого, абсолютного света. Оно не горело. Оно стирало тень, превращая всё в белую, слепящую пустоту.

— Они не тень! — крикнула она. — Они — жизнь! Слишком много жизни! Вы не можете стереть жизнь светом, вы её только раздуете!

— Отведите её, — бросил Торн студентам-охранникам. — Начинать!

Шестеро магов подняли руки. Воздух в холле задрожал, стал нестерпимо сухим. Из их ладоней вырвался не огонь, а жидкий, ослепительный белый свет. Он ударил в стеклянные стены оранжереи, проникая внутрь, как вода в губку.

На секунду показалось, что Торн прав. Багровые лианы дёрнулись, их цвет начал бледнеть.

А потом они запели.

Звук был неслыханным — это был хруст ломающихся костей и одновременно сладкий, тягучий стон. Свет не уничтожал их. Свет входил в них. Красные корни начали расти с такой скоростью, что воздух засвистел от рассекаемого пространства. Они стали прозрачными, наполненными слепящей белой энергией, но от этого не менее плотными.

— Прекратить! — заорал Торн, но было поздно.

Один из корней, светящийся, как раскалённая лампа, пробил стену оранжереи и хлётко ударил по ряду магов. Трое старшекурсников даже не успели вскрикнуть. Свет внутри них вспыхнул слишком ярко, и они рассыпались в мелкую, белую, как мел, пыль. Их собственная магия разорвала их изнутри.

Торн бросился вперёд, пытаясь создать щит, но другая лиана обвила его ногу. Медведь упал. Корень начал впиваться в его плоть, не сжигая, а перестраивая. Шерсть на ноге старика начала зеленеть, превращаясь в мох, а кожа — в кору.

Паника достигла пика. Студенты топтали друг друга, пытаясь бежать.

Элиана стояла посреди хаоса. Она смотрела на то, как свет становится ядом. Как доброта и желание «очистить» превратились в корм для хищника.

Они слепы, пронеслось в её голове. Внутренний голос был пугающе спокойным. Он звучал не как голос испуганной зайчихи, а как голос старого, мудрого дерева. Они пытаются лечить рак светом. Они не понимают, что сад болен. И его нужно не лечить. Его нужно обрезать.

Она шагнула вперёд, мимо бегущих студентов, прямо к оранжерее.

— Элиана, стой! — закричал Кайрен, пытаясь схватить её за руку.

Но она выскользнула из его объятий, словно её тело больше не подчинялось законам физики. Она подошла к краю разрушенной стены, где бушевала багровая, наполненная светом масса.

Она не стала призывать огонь. Огонь — это страсть, это энергия. Она не стала призывать воду. Вода — это жизнь, это рост.

Элиана закрыла глаза и нырнула в ту самую пустоту внутри своей груди. Туда, где не было ни боли, ни страха, ни любви. Она нашла там абсолютный, звенящий холод. Холод конца. Холод ноября, когда земля схватывается льдом, чтобы уснуть. Холод, который говорит: «На сегодня всё».

Она положила ладонь на ближайший, пульсирующий светом корень.

— Увянь, — прошептала она.

Это не было заклинанием. Это был приказ реальности.

Магия инверсии, чёрная, беззвучная и абсолютная, хлынула из её руки. Она не боролась с энергией растения. Она просто отменяла его право на существование. Она разрывала связь между клетками, между магией и материей.

Эффект был мгновенным и жутким. Багровый свет погас. Корни не сгорели, не взорвались. Они просто... осыпались. Миллиарды тонких, серых хлопьев пепла начали падать с лиан, как снег.

Но связь была слишком глубокой. Красный Мор пустил корни не только в камень, но и в тех студентов, что висели в его сетях.

Элиана почувствовала, как её магия, словно жадный паук, бежит по невидимым нитям дальше. К студентам.

Остановись, шепнул где-то глубоко остаток её старой совести. Они ещё живы. Если ты потянешь дальше, ты убьёшь их.

Они уже не живы, ответил внутренний голос-садовник. Они стали почвой. Если ты оставишь их, они прорастут новыми монстрами. Обрежь ветвь. Полностью.

Элиана сжала кулак.

Пепел накрыл висящих студентов. Их блаженные улыбки не изменились. Они просто рассыпались в серый прах, смешиваясь с пеплом растения. Пять жизней. Пять студентов, которых можно было бы попробовать спасти, если бы у них было больше времени. Но времени не было.

Оранжевая превратилась в гору серого снега. Тишина в холле была звенящей.

Элиана убрала руку. Её пальцы не дрожали. Она чувствовала себя... чистой. Как хирург, который только что ампутировал гангренозную конечность, чтобы спасти тело.

Мастер Торн, опираясь на посох, смотрел на неё. Его нога была спасена — корни, коснувшиеся её, умерли, оставив глубокие, чёрные шрамы, похожие на татуировку из коры. Но в его глазах был не страх перед монстром. В его глазах был ужас перед ней.

— Что ты наделала, Элиана... — прохрипел он, его голос дрожал. — Ты убила их. Они были живы. Мы могли бы найти способ...

— Способа не было, мастер, — сказала Элиана. Её голос звучал ровно, как камень. — Свет сделал их сильнее. Они питались вашей добротой. Я остановила рост.

— Ты убила наших студентов! — закричал кто-то из толпы. — Ты такая же, как эта тварь!

Элиана медленно повернула голову. Она посмотрела на толпу. На их искажённые от страха и гнева лица. И она не почувствовала вины. Она почувствовала лишь лёгкое раздражение. Они не понимают. Они плачут по опавшим листьям, не видя, что гниль уже пошла к стволу.

— Я спасла Академию, — тихо сказала она.

Она развернулась и пошла прочь, сквозь расступающуюся, словно чумы, толпу. Кайрен смотрел на неё, и в его глазах она увидела то же, что и у Торна. Отчуждение. Страх.

Пусть боятся, подумала она, поднимаясь по лестнице. Страх — это уважение к силе. А сила нужна, чтобы держать сад в порядке.

Она не пошла в общежитие. Она пошла вниз. В седьмой подвал.

Василиса уже ждала её. Девушка-человек сидела за столом в тайном архиве, перед ней горела единственная свеча. Светлые волосы Василисы были собраны в тугую косу, а тёмные глаза блестели в полумраке.

Она не спросила, что случилось наверху. Она просто посмотрела на руки Элианы, на которых ещё оставался серый пепел, и кивнула.

— Ты поняла, — тихо сказала Василиса. Её голос был мягким, почти ласковым. — Свет слепит. Только пепел питает.

— Они называют меня убийцей, — сказала Элиана, садясь напротив. Она не чувствовала усталости. Пустота внутри неё гудела, как хорошо настроенный механизм.

— Муравьи называют убийцей того, кто раздавил гусеницу, пожирающую их сад, — ответила Василиса. Она протянула руку и аккуратно смахнула частичку пепла с плеча Элианы. — Но мы с тобой не муравьи, Элиана. Мы — садовники. А у садовника есть только один закон: то, что не растёт правильно — умирает.

Элиана посмотрела на чёрный камень, который всё ещё лежал на столе между ними.

— Я чувствую их, Василиса. Под полом. Они ждут. Они знают, что я открыла им вкус.

— Они знают, что ты — их проводник, — поправила Василиса. В её взгляде мелькнуло что-то ещё. Не просто одобрение. Голод. Точно такой же, как у корней под полом. Она хочет, чтобы я стала для них дверью. Она думает, что я её инструмент.

Элиана чуть заметно улыбнулась. Улыбка не коснулась её глаз.

Глупая девочка, пронеслось в её голове. Она думает, что ведёт меня к алтарю. Она не понимает, что это я веду её к могиле. Я не буду сосудом. Я стану тем, кто пьёт из этого сосуда.

— Что дальше? — спросила Элиана вслух, её голос был полон покорности, которой не было в её душе.

Василиса поднялась и подошла к дальней стене, завешенной старыми гобеленами. Она отёрнула ткань, и Элиана увидела каменную кладку, покрытую странными, извивающимися рунами.

— Дальше, Элиана, мы идём туда, где не ступала нога ни одного мага Академии. Мы идём к Первородному Договору. К тому, кто первым услышал голос земли и решил, что может её оседлать.

Василиса приложила ладонь к камню. Камень зашипел, и в стене открылся узкий, чёрный проход, от которого веяло не холодом Пустоты, а тяжёлым, древним запахом крови и меди.

— Твоя пустота внутри... она идеальна, — прошептала Василиса, не оборачиваясь. — Чаша должна быть пустой, чтобы вместить океан. Иди. Твоё настоящее рождение начинается сейчас.

Элиана шагнула в темноту. И тьма сомкнулась за её спиной, не как враг, а как старая, любящая мать, которая наконец-то забрала своё дитя домой.

Глава 6. Падение Хранителя

Туннель, который открыла Василиса, пах не сыростью и не древней пылью. Он пах озон и кровью.

Стены здесь были не из камня, а из спрессованных, окаменевших корней, переплетённых настолько плотно, что они образовывали сплошной, монолитный коридор. Элиана шла впереди, держа в руке тусклый огарок свечи. Василиса шла за её спиной, и её шаги были абсолютно бесшумными, словно она не касалась пола.

— Восемьсот лет, — тихо произнесла Василиса. Её голос отражался от стен, звуча как шёпот самого леса. — Восемьсот лет вы называете это Академией. Бастионом света. Цитаделью баланса. Но знаешь ли ты, Элиана, что такое на самом деле фундамент этого здания?

Элиана не обернулась. Пустота в её груди, там, где раньше была память о матери, пульсировала в такт её шагам. Она чувствовала, как корни под ногами отзываются на её присутствие. Они не атаковали. Они приветствовали её.

— Фундамент — это камень, — ответила Элиана. — И печати Первой Магини. — Нет, — мягко поправила Василиса. — Фундамент — это клетка.

Они вышли в круглый зал, скрытый глубоко под корнями старого дуба. В центре зала, в толсте прозрачного, как янтарь, корня, была заключена фигура. Это не было существо. Это был сам голос земли, застывший в форме, которую человеческий разум не мог до конца постичь. Оно было огромным, сплетённым из тысяч жил, и оно медленно, мучительно сжималось, пытаясь разорвать янтарные оковы рун, покрывающих его.

— Первая Магиня не запечатала Пустоту, Элиана, — продолжила Василиса, подходя к янтарному кокону. — Пустота была лишь побочным эффектом. Она запечатала Голод. Перво-родную Силу, которая требует, чтобы старое умирало и становилось удобрением для нового. Маги боялись смерти. Они боялись осени. И они создали вечное лето. Они построили Академию как паразита, который пьёт соки земли, но не отдаёт ей ничего взамен.

Элиана смотрела на пульсирующее сердце земли. Она чувствовала его боль. Тупую, ноющую, вековую боль существа, которое приковали к камню и заставили вечно производить жизнь, не позволяя ему никогда умереть, чтобы возродиться.

— Красный Мор, — прошептала Элиана, и кусочки мозаики в её голове сложились в единую, пугающую картину. — Это не болезнь. — Это иммунный ответ, — кивнула Василиса. — Земля пытается сбросить корку. Очиститься от паразитов. От нас. От студентов, которые пьют её магию и не возвращают ей даже пепел.

Они слепы, пронеслось в голове Элианы. Внутренний голос был пугающе спокойным, лишённым прежних сомнений. Мастер Торн, Лира, целители... Они лечат рак светом. Они кормят опухоль, думая, что исцеляют тело. Они не понимают, что сад болен. И его нужно не лечить. Его нужно обрезать.

Внезапно воздух в туннеле дрогнул.

Это было не землетрясение. Это был магический резонанс, такой сильный, что у Элианы заложило уши. Из янтарного кокона вырвался импульс багрового света, и стены туннеля застонали.

— Прорыв, — констатировала Василиса, её тёмные глаза сузились. — Они снова попытались использовать «Солнечный Империум» в верхних крыльях. Глупцы. Они только что полили огонь маслом.

Элиана мгновенно почувствовала это. Боль. Сотни точек боли, вспыхнувших в магическом фоне Академии, как сигнальные ракеты. Красный Мор вырвался из-под контроля.

Она развернулась и побежала обратно по туннелю, к лестнице, ведущей на поверхность. Василиса не спешила за ней, но Элиана знала — архивариус появится там, где нужно. В нужный момент.

Когда Элиана выбежала в крыло лазарета, коридор был залит багровым светом.

Воздух был густым от сладкого, тошнотного запаха гниющих фруктов и влажной земли. Стены пульсировали. Из швов между каменными плитами вырывались толстые, багровые лианы, покрытые шипами, длиной с предплечье.

В центре главного зала лазарета царила паника. На кроватях лежали студенты. Десятки студентов. Их тела были опутаны красными нитями, которые уходили прямо под кожу, вплетаясь в их магические каналы.

Вокруг них суетились целители. Лира стояла на коленях рядом с одним из первокурсников, её руки светились ярким, ослепительным белым светом. Она пыталась вытянуть инфекцию, направить в него чистую энергию жизни.

— Лира, стой! — закричала Элиана, прорываясь сквозь толпу испуганных студентов. — Не используй свет!

Но было поздно.

Лира влила порцию магии в грудь мальчика. Тот выгнулся дугой, его рот открылся в беззвучном крике. Из его горла, прямо сквозь кожу, прорвались тонкие, светящиеся изнутри багровые побеги. Свет целителей не убивал паразита. Он давал ему энергию для мгновенного роста. Корни внутри мальчика начали разрывать его органы.

— Он... он горит изнутри, — прошептала Лира, отшатываясь, её руки были в крови. — Эли, я не понимаю... свет должен исцелять!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.